

Написано о Ленине очень много. В основном это книги двух сортов в зависимости от отношения автора к Владимиру Ильичу хвалебные или ругательно-разоблачающие. И вот появляется книга неизвестного автора с непонятным названием – «Ленин: Пантократор солнечных пылинок». На обложке фото Ленина в мешковатой одежде, в панаме и с тросточкой. Что бы это значило?

Без особых, признаться, ожиданий – прочитал. И не пожалел. Книга в целом неплохая и потому заслуживает отдельного рассмотрения, тем более что оставляет без ответа ряд вопросов, а порой и просто вызывает удивление.

Автора можно считать представителем первого постсоветского поколения, то есть сформировался он как писатель уже после 1991 года. Этим и интересен: он пытался понять Ленина и рассказать о нем по-новому – и для нового поколения. Отсюда и язык, чудной и непривычный, как потом в интервью скажет сам автор, язык вульгарный и плебейский, – Ленин «орал», «разорался», «долдонил», «вопил», «имел бульдожьё хватку» и тому подобное. По словам Данилкина, этим он пытался приземлить Ленина и сделать его понятным новому поколению, не обремененному советскими идеологическими штампами. Вместе с этим у автора нет желания принизить вождя.

Применяясь к нынешним веяниям, автор употребляет современный волапюк. На читателя обрушивается слова «краудфандинг», «айнтопф»,

«обсессия», «хайкинг», «лайфхек», «батрахомиомахия», «юзер-фрейн-дли», «азан», «провенакс» и прочие, и прочие «мерчендайзеры». Посо-чувствовал автору: трудно быть современным – и улично-помоечный сленг надо употребить, и англицизмы дурного пошиба.

В интервью Л. Данилкин говорит проще и лучше, нежели в книге. Он говорит, что пытался понять и передать гений Ленина, его великое и современное значение с учетом ленинопада на Украине, при этом вспоминая и гитлеровский ленинопад – свержение ленинских памятников на оккупированных территориях.

Надо признать, работу автор проделал колоссальную, поездил по ленинским местам, прочитал тучу книг, попытался понять гения и его время. И премию «Большая книга» получил заслуженно.

А теперь подробнее.

О сущности и пантократоре

Сам Данилкин справедливо написал, что умножая количественные примеры не приближаешься к сущности. Тут не поспоришь. Например, словечко «пантократор» означает «вседержитель». Это титул богатворца всего сущего, а вовсе не только солнечных пылинок. Поэтому «пантократор солнечных пылинок» означать может что угодно, а вот истолковать его трудновато. Чувствуется некая претензия на красоту и интеллектуальность, но не более того. Поэтому, говоря о книге, хочется отметить то, что не заметил или не понял автор в своем персонаже.

Есть правило исторической критики, которое может быть применено к осмыслению любого текста. Это правило гласит: текст на 70% говорит об авторе и только на 30% – о предмете. И ничего тут не поделаешь! А если автор пишет о гении? Что ж, из собственных штанов не выпрыгнешь.

Когда наши «западники» вслед за Чаадаевым говорят о пустоте нашей истории, то как теоретики они весьма сомнительны. Получается, что Наполеон в Европе – это великая и красивая история. А Бонапарт в России – уже мышьяная беготня. Ричард Львиное сердце – это красиво и интересно, вспоминаешь книги Вальтера Скотта «Айвенго». Но заглянем в «Историческую энциклопедию»: «типичный средневековый рыцарь-авантюрист, Ричард I вел непрерывные войны, чуждые интересам Англии и стоившие ей огромных средств». А Святослав и его византийские войны, или его же война с хазарами – это, выходит, свое – домашнее и скучное? Как к этому двойному счету относиться?

Аналогично и с Данилкиным. Он пишет, что марксизм для Ленина есть высший абсолют. Однако сегодня можно прочитать книгу С.Г. Кара-Мурзы «Карл Маркс против русской революции», в которой автор убедительно показывает, что Маркс и Ленин расходятся во многих и серьезных вопросах. Значит, марксизм для Ленина не абсолют.

Данилкин и сам чувствует, что какие-то вещи не уловил, прошел мимо. Например, у Ленина экономических работ намного больше философских. Однако Данилкин привлекает внимание лишь к одной «Развитие капитализма в России». Но ведь остальные тоже имели какое-то значение, для чего-то писались. Понятно, что литератору они могут быть не очень интересны, но смысл ленинских размышлений и переживаний в таком случае передается автором неадекватно.

Можно бы сказать, что и ладно, ведь автор старался. К сожалению, он прошел мимо слишком серьезных вопросов или даже их исказил. Поэтому и придется о них поговорить.

К примеру, почему у Данилкина Ленин после революции встречается только с чудаками-учеными, и даже более того – несостоятельными любителями-аферистами? Разве так было на самом деле? Автор и сам знает, что неправ, и говорит об этом в интервью. Ведь Владимир Ильич открывал академические институты, помог К. Циолковскому, П. Флоренскому, И. Павлову. Из прозрений «чудака» Циолковского выросла наша космонавтика, и исчезла недостижимость США. Уж куда как практично оказалось «чужачество» Константина Эдуардовича! Из работ Флоренского выросли целые направления наук, а не только ГОЭЛРО и электростанции, развилась и стандартизация электрических параметров, на чем и сегодня мы стоим. Про академика Павлова и объяснять не стоит. Если же по книге Данилкина, то Ленин выглядит этаким доброжелательным и бестолковым чудаком, что дает повод подленько подхихикивать различным Ерофеевым. Впрочем, Вик. Ерофеев сразу вызывает в памяти известное соображение В. Вересаева из его «Пушкина в жизни»: для камердинера нет героя, ибо он видит героя без штанов. Но Гегель правильно заметил, что это не потому, что нет героя, а потому, что это взгляд лакея и холуя. Такое искажение истины весьма чревато искажением и облика и смысла действий вождя.

И, пожалуй, главное. Почему Ленин стал великим, почему его слушались и за ним шли? Вот эта сторона проблемы самая интересная и недостаточно отражена у Данилкина.

Загадка Ленина

Первое, что хотелось отметить и что в какой-то мере оправдывает писателя, – это ленинская закрытость. Об этой черте ленинского характера Данилкин не пишет. И зря!

Ленин в свой внутренний мир почти никого не допускал. Поговорить по душам? С кем? Сын штатского генерала растет в маленьком городе Симбирске, и все с ним милы и приветливы. И вдруг отец умирает, а старший брат, страшно сказать, покушается на цареубийство «Общество» отшатнулось, удар по начальной ленинской открытости весьма и весьма тяжелый. Затем революционная работа наложила мощный отпечаток своей конспиративностью. Броня закрытости резко затвердела. И, наконец, Ленин просто не переносил пустой болтовни, особенно усугубленной выпивкой. Он был трезвенником (хотя мог выпить кружку пива) и работником. Во время пустой говорильни явно переставал слушать, люди это видели и уходили.

Автор воспоминаний о Ленине Н. Валентинов описывает такие случаи. Хороший вечер, собравшиеся беседуют о литературе. Ленин в хорошем настроении разговорился. Валентинов считал себя лучшим в мире специалистом по Тургеневу и в разговоре вдруг осознал, что Ленин знает писателя лучше его. Ночью другой участник разговора (Воровский) записал ленинские высказывания, а утром обратился за проверкой точности к Ленину. Владимир Ильич занят другими важными вещами, вопрос не к месту и не ко времени. И собеседник слышит в ответ, что Ленин и не читал вашего Тургенева. Ф. Дан потом напишет,

что Ленин был литературно не очень образован. Понятно, что оценка Дана больше говорит о самом этом меньшевике, нежели о Ленине.

Или другой случай. Луначарский приглашает Ленина в театр, а в ответ получает записку, в которой: «... в гробу видел Ваши театры. Занимайтесь, наконец, школами, просвещением». Это замечание Председателя Совнаркома наркому культуры и просвещения и, конечно, вовсе ничего не говорит об отношении Ленина к театру, а указывает на несвоевременность увлеченности театральными делами в конкретный период времени. Вот уж истинно по Тютчеву: «Мысль изреченная есть ложь».

Интуиция Ленина

Вторая сложность для любого автора работ о Ленине состоит в его загадочной интуиции. Данилкин в эти психологические глубины не забирается. Впрочем, об этом вообще никто не пишет. А ведь тема очень интересная.

Психологически Владимир Ильич является классическим интуитивистом. Это означает, что человек данного психологического типа дает ответ на какой-то вопрос, а размышлений, ведущих к этому ответу, явным образом не приводит.

Что такое интуиция? Толком никто не знает, существуют различные точки зрения, идут споры. Такая ситуация нередко приводит к удивительным историям. Так, гений физики и математики и интуитивист Анри Пуанкаре написал формулу определенной функции, получившей его имя, а потом его что-то отвлекло, он более к этой проблеме не вернулся. В результате исследователи около ста лет пытались доказать и вывести логически эту функцию, пока наконец это не удалось сделать. Наполеон, например, считал интуицию просто быстро сделанным расчетом. То есть интуиция – это расчет. Вряд ли это правильно, однако и в бонапартовском варианте расчет должен быть представлен. Иначе интуитивный вывод кажется людям бездоказательной догадкой, повисает в воздухе.

А как это выглядит по работам Ленина? Он появляется на общественной арене в период, когда продолжают споры об экономической сути России. Народники пишут, что капитализм есть болезнь Европы, а в России нет или очень мало капитализма, да и тот привнесен. Ленин с первой опубликованной работы и с первого публичного выступления исходит из наличия наступившего в России капитализма. А годами позже он пишет капитальное исследование «Развитие капитализма в России», работу, в которой он доказывает, а не просто провозглашает наличие капитализма в России. И ценно, что Данилкин уделил этой работе большое внимание.

Другой пример. В 1915 году Ленин пишет статью «О лозунге Соединенных штатов Европы». В ней он впервые делает вывод о возможности победы социалистической революции в одной отдельно взятой стране. А потом годами Ленин пишет цикл работ по империализму, в которых он доказывает, что империалистическая стадия капитализма резко увеличивает противоречия общественного развития, а поэтому возможен прорыв цепи капитализма в одном звене, в одной отдельно взятой стране. Иными словами, сначала вывод, а потом идет доказательство. Соратники Ленина неоднократно отмечали неожиданность его выводов.

Впрочем, подобная неожиданность не всегда может быть объяснена интуицией или иными современными наукообразными словами. Можно употребить и другую терминологию.

Хлеб и мистика

Приведу пример, который в советское время любой политиздат старался убрать из работ по ленинизму. В 1917 году Ленин находится на нелегальном положении и скрывается в семье рабочего. Хозяйка принесла купленный свежий хлеб и позвала Ленина к столу. Владимир Ильич откусил хлеб и вслух восхитился его качеством и свежестью. Хозяйка сказала, что, мол, буржуи боятся сейчас нам плохой хлеб давать.

Ленина этот случай поразил. Он неоднократно к нему возвращался. Мне, говорил Ленин, человеку, не знавшему голода, трудно связать вопрос о качестве хлеба с классовыми производственными отношениями. Мысль интеллигента идет длинным извилистым путем от классовых производственных отношений к качеству хлеба. Рабочий же видит эту связь прямо как на ладони.

Интересно, что в данном случае пролетарский подход в советской литературе назывался практикой, а аналогичное получение истины без посредствующих размышлений («на ладони») в православном учении – мистикой. Ленинское обозначение практики и формулировки В. Лосского (см. его «Очерки мистического богословия») понятия мистики во многом совпадают. Как видим, в данном случае вряд ли можно объяснить ленинские прозрения с помощью одной лишь интуиции.

В известной сцене из романа «Мастер и Маргарита» на Патриарших прудах Воланд рассказывает о своих разговорах с Кантом. Кант уничтожил все научные или претендовавшие на научность доказательства бытия божия, а потом выдвинул свое и совершенно ненаучное жизненно-чувственное доказательство. Неграмотные веруют без рациональных аргументов, они чувствуют бога!

П. Флоренский добавил свое доказательство и тоже ненаучное («Есть “Троица” Рублева – есть Бог»). Рациональных доказательств здесь, как видите, нет. Однако если у вас есть эстетическое чувство, то доказывать ничего и не надо, истину красоты видно глазом!

Но стоит добавить, что оба доказательства не имеют никакого отношения к проблеме интуиции. Данилкин справедливо говорит о громадном количестве часов, отведенных на преподавание закона божьего в симбирской гимназии. Фактически ученики гимназии получали мощное богословское образование. И важно, что Данилкин это отметил. Правда, истолковать и использовать для расшифровки своего героя не сумел. Впрочем, в данном случае можно сказать, что Данилкин присоединился к подавляющему большинству пишущих о Ленине. Прошли ли бесследно богословские часы для мировоззрения Ленина? И сразу вспоминаются выпускники семинарий Сталин и Микоян, да и другие.

Марксизм и Ленин

Как уже говорилось, Данилкин излишне однозначно связывает мировоззрение Ленина и марксизм. А так ли все прямолинейно? Исключительно важным выглядит вопрос о соотношении европейской

марксистской и ленинской мысли. На мой взгляд, нетрудно заметить несовпадения и противоречия между классическим марксизмом и ленинизмом. Некоторые бросаются в глаза. Так, Маркс очень не любит Герцена, впрочем, взаимно. Ленин же пишет хвалебную статью «Памяти Герцена». Он знает о взаимной нелюбви Герцена и Маркса, однако пишет хвалебную статью и никак не обсуждает возникшее противоречие между тоном его статьи и провозглашаемой им приверженностью марксизму.

Маркс очень не любит крестьян. Он употребляет выражения «идиотизм сельской жизни», крестьяне для него «недочеловеки», поскольку не превратились в буржуа или пролетариев. Ленин же крестьян – большинство населения России – явно отличает как тружеников, не позволяет себе никаких уничижающих терминов по отношению к ним. А Валентинов пишет даже о постоянных крестьянофильских пассажах Ленина.

Маркс очень не любит Россию, ведь она «жандарм Европы». Эта нелюбовь нередко приводит к несправедливым и злобным упрекам русскому началу. Так, в статьях по восточному вопросу и о судьбах славян, угнетаемых турками, нередко выражения, с которыми вряд ли согласятся любые революционеры. Энгельс как альтер эго Маркса писал о русской борьбе за освобождение балканских славян как о «наглых происках царских агентов против цивилизаторской миссии турецких феодалов».

А Ленин же безусловно является патриотом России. Если Люксембург была деятелем германской, польской и русской революции, Троцкий – деятелем американской и русской революции, Артем (Ф.А. Сергеев) – деятелем австралийским и русским, то Ленин всегда был только русским деятелем, а всемирным стал в силу масштабности России и ее роли планетарного значения. Если же сталкивались интересы революции и России, как это случилось в дискуссии о Брестском мире, то Ленин явно выбирал Россию. Напомню, что ему пришлось выступить против всего политбюро, в составе которого были не только Троцкий, но и Сталин, и Дзержинский, то есть фигуры весьма стойкие, однако Ленин сломил их сопротивление. Ленин писал о Владивостоке как о городе «нашенском», писал с восхищением о патриотизме арзамасского крестьянина, готового голодать, но сохранять Россию.

Противоречия касались и теоретически важных положений. Маркс и Энгельс пишут о возможности победы социалистической революции во всех или большинстве развитых стран. Ленин, напомним, доказывает возможность победы социалистической революции в одной отдельно взятой стране, и, конечно, речь идет о России.

Он «знал одной лишь думы власть» – Россию. И это, пожалуй, главное, что удалось хорошо показать Данилкину.

Абсолютная истина Ленина

На мой взгляд, автором упущены возможности порассуждать о философской части ленинских работ. Совершенно исключительный интерес представляет ленинская теория познания и истины. У Маркса и Энгельса истина никак не связана с абсолютном, над вечными истинами они иронизируют. У Ленина же, как известно, сама истина вытекает из наличия объективной, а следовательно, и абсолютной истины.

Признание абсолюта всегда в философии означало признание бога и вечности. Поэтому Богданов написал специальную книгу против Ленина «Падение великого фетишизма», в которой обвинял Владимира Ильича в религиозных корнях его философии. Известный философ А.Ф. Лосев, монах тайного посвящения, обвиненный в клерикализме, защищался в советское время отсылкой на ленинское признание абсолюта.

Можно назвать наиболее близкое ленинскому учению об истине – это учение основателя православной философии исихазма Григория Паламы. К сожалению, спор Ленина и Богданова не получил продолжения, однако несовпадение взглядов Маркса и Ленина видно невооруженным глазом.

Противоречия марксизма и Ленина

Трудно умолчать философу и об упущенных Данилкиным возможностях объяснить особенности марксизма, не получившие продолжения в ленинизме. Дело здесь не в том, что ряд позиций Маркса и Энгельса устарели. (Например, сумма углов треугольника равнялась 180 градусам, что казалось Энгельсу вечной истиной, а в это время уже была развернута полностью геометрия Лобачевского.) Речь идет о существовании теоретических посылок марксизма. Ведь Маркс писал в «Капитале» об идеальном капитализме, о теоретическом идеале, и при этом, как он сам подчеркивал, автор отвлекался от географических условий, наличия других стран, наличия некапиталистических классов, национальных особенностей. Для теории это не страшно. Ведь по теории вероятностей мы не можем встретить на улице подряд тысячу мужчин, однако можем встретить полк солдат. И этот полк не отменит верности теории вероятностей. Просто теория вероятностей не рассматривает и отвлекается от социальных условий, наличия армий и т. п.

Поэтому революции не делаются в самых развитых странах, ибо свои проблемы эти страны могут перекачать в менее развитые, революции делаются в странах второго эшелона. Попробуйте сегодня отвлечься в мировой политике от наличия бандитских войск США и НАТО в зависимых странах – ничего не получится. Да и независимые страны типа Северной Кореи и Кубы никогда не могут забыть наличие в мире американских вооруженных сил. Бомбежки Ирака, Югославии, Ливии, Афганистана, разгром Гренады, Панамы и прочие подобные примеры убедят любого в необходимости учитывать факторы, от которых Маркс отвлекся в главном своем труде. Ленин это хорошо понимал. Когда ему пришлось отвечать на догматическую критику Н. Суханова, то он справедливо говорил об учебниково-азбучной подготовке его противников. Ленин же далеко отошел от учебника. Чтобы его описать, нужно представлять его открытия, его неожиданные для всего мира шаги, и лишь тогда великанский масштаб его личности может быть обозначен.

Наш великий литературовед и мыслитель П. Палиевский справедливо и точно заметил: «славянофильство и марксизм развивались параллельно. Оба обозначили решимость философии выйти за пределы ума – к действительности». И в этих словах намек на разгадку тайны Ленина. Он, с одной стороны, все время думает о России (как и славянофилы), а с другой стороны, использует марксизм как средство. При этом окружающим часто невдомек способ получения вывода и следо-

вательно действий гения. Он видит реальность, но по-другому. Как тут спорить?! Н. Бухарин, и Н. Гиммер-Суханов, и другие не понимали ленинский способ видения реальности, но признавали его жизненность и основательность. Главное: Ленин видит реальность, и его успех прямо связан с тем, что он ее правильно видит.

Гений и труд

Думается, писатель должен был озаботиться и попытаться объяснить истоки великанского масштаба личности главного своего персонажа. Этого не случилось. А истоки состояли в том, что Володя Ульянов был от природы фантастически одарен. Ему удивительно легко все давалось. Его мать очень беспокоилась, что сын не научится трудиться. Это очень русская проблема. Каждый педагог знает, что русские дети очень одарены и талантливы, а поэтому не всегда могут научиться трудиться. Встретишь такого талантливого ученика через много лет, а перед тобой, к сожалению, совершенно рядовой обыватель. И обратное бывает. Ученик был средний, но он очень старался, работал, в результате через много лет мы можем встретить весьма неординарную личность.

Мать Ленина Мария Александровна сумела компенсировать легкость усвоения знаний необходимостью трудиться. Получился очень дисциплинированный труженик. И его целеустремленность и гигантскую работоспособность отмечали все. Увлеченность работой могла доводить до упадка сил. Он входил в раж, работал очень много и быстро, после чего наступал упадок сил. Валентинов (Вольский) приводит в своей книге о Ленине пример подобного прилива-отлива. Задолго до революции, еще до ранения и заболеваний, написание очередной работы совершенно измучило вождя. И когда Надежда Константиновна вывезла его восстановить силы в сельскую местность, то местные ребята прозвали его «дрыхалкой» потому, что он садился на пенек и мгновенно засыпал вместо поиска грибов.

Интересно, что подобная запойность в работе как правило связана с увлеченностью темой. Так, И. Гончаров был явным флегматиком, однако свой главный роман «Обломов» написал практически за две недели как «под электроударом». Лощиц в своей книге о Гончарове пишет об этом с удивлением: роман писался много лет, но главное содержание (как говорят сегодня «кирпич») было написано удивительно быстро: «три страницы в час. Это как бы под диктовку... История написания «Обломова» предстанет перед нами как выдающийся феномен творческой продуктивности, один из самых выдающихся за всю историю новоевропейской литературы. “Мариенбадское чудо” – так обычно именуют этот феномен литературоведы, биографы Гончарова, подчеркивая тем самым, что события лета 1857 года в жизни писателя – вещь, пограничная с чем-то сверхреальным, умонепостижимым» (Ю. Лощиц, «Гончаров». М., 1977). Та же серия «ЖЗЛ» подтверждает это правило: много читали и много писали и англичанин едва ли не основатель протестантизма Джон Виклиф, и русский писатель и публицист Н. Чернышевский. Видимо, ощущение ценности труда дает мощнейший импульс к работе.

Ленин работал быстро и много. Как-то посчитали некоторые сравнимые показатели. Так, науковеды давно сосчитали, что квалификации выше советского доктора наук в мире нет (западный доктор наук

сравним с нашим кандидатом). В течение жизни наш доктор наук опубликовал около 75–80 печатных листов. Ленин выполнил эту норму уже к 30 годам. Подчеркиваю: это внешние механические показатели, они вовсе не учитывают гениальности содержания и выводов. Можно ведь «наборывать» много и бессмысленно. Если же продолжить сравнение, то нетрудно подсчитать, что Лениным за жизнь написано множество докторских диссертаций (по науковедческим показателям): 4 философских, 6 экономических, 5 политологических.

Ленин очень быстро читал. Для сравнения один пример. В воспоминаниях Чуковского говорится о том, что Горький только внешне мог произвести впечатление мало читающего самородка. На самом деле он-де ученый сухарь, прочитавший все энциклопедические словари. Так вот, Горький писал о том, как оказался с Лениным в одной комнате и не мог вчитаться в книгу потому, что слышал шелест переворачиваемой Лениным страницы. Отобрал книгу у Ленина и стал проверять прочитанное. Обнаружил, что Ленин читал, и очень внимательно, поскольку тут же начал едва ли не наизусть повторять просмотренные лишь едва просмотренные, как могло показаться, и второпях пролистнутые страницы.

Ученость и основательность

Мне довелось прочитать едва ли не все рецензии на философский труд Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Поголовно все рецензенты отмечали «китайскую» ученость Владимира Ильича, который для написания книги прочитал все имеющее отношение к теме. «Китайское» совершенно явно обозначало дотошную, доскональную, скрупулезную ученость. Вот эта исключительная основательность бросалась в глаза любому, кто знакомился с Лениным. Это и Воронцов – народник, это и Скворцов – марксист, это и рабочий Заломов, и философ Плеханов, это и артиллеристы, и политики, и проч. и проч. Всегда наблюдался один эффект. Появлялся неизвестный человек с самой обычной внешностью с неизвестной фамилией. Начинался разговор, и достаточно было Ленину сказать несколько слов, как вся окружающая компания начинала приобретать характер кружка с ясно выраженным центром. Слова Ленина всегда оказывались сказанными настолько точно и к месту, настолько основательны, что жизнь приобретала им выявленный центр и смысл. Ленинская картина мира заражала его слушателей. Данилкин немного касается этого эффекта через рассказ о человеке, который хотел убить Ленина, а вместо этого стал его поклонником.

Вспоминается очерк Горького о Ленине, где рассказывается о посещении Владимиром Ильичом артиллеристов. Он не был представлен, сами пушкарки были удивлены точностью и основательностью высказанных суждений посетителя в области, вроде бы лишь их профессионально касающейся. И очень показательно, что в публикациях очерка Горького в хрестоматии для чтения в советское время, как правило, исключался отмеченный выше сюжет. Ленинский рассказ о качестве хлеба и классовых взаимоотношениях, упомянутый выше, также исключался. Мистическое и непонятное, сверхреальное, умонепостижимое (вспомним выражение Лошица) убиралось – ведь вождь должен быть «прост как правда» (выражение П. Заломова).

Похожее описывает Джавахарлал Неру появление в Индии Махатмы Ганди: словно молния в ночи освещала и проясняла все сложное и непонятное, и мысли после разговора бежали к ушедшему собеседнику. Совершенно то же самое, что Неру о Ганди, писал, и едва ли не теми же словами, Кржижановский о Ленине.

Масштаб личности

В США помнят немногих президентов – Вашингтона, Линкольна, Ф. Рузвельта, Кеннеди. Ф. Рузвельт из них единственный избирался четыре раза в президенты, превратив США в сверхдержаву. В Великобритании также не помнят всех премьеров, но уж Черчилля знают все. Известно, что во время второй мировой войны многие сравнивали Рузвельта, Черчилля и Сталина. Как правило, даже американцы и англичане отмечали наиболее эффективным лидером Сталина. Это сравнение как бы задает масштаб. Так вот, Ленин, конечно же, по сравнению со Сталиным фигура выше по масштабу. И это хотелось бы подчеркнуть.

Каждый великий человек есть своего рода загадка, а уж Ленин, говоря словами Горького, «великое дитя океанного мира сего», тем более. И открывать его придется еще долго. И книга Данилкина – ступенька на этом пути.

Наивно было бы ожидать, что писатель раскроет все или основные стороны сложнейшей натуры гения человечества. Но мы должны воздать должное его попытке сделать это и поблагодарить за колоссальный труд, создавший дополнительные возможности людям приблизиться к пониманию.